

В.К. ПИЧУГИНА

ЛУЧНИК ПРОТИВ ГОПЛИТА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПУТЬ ГЕРАКЛА В ТЕКСТАХ И ОБРАЗАХ

В статье представлены результаты междисциплинарного исследования образов Геракла-лучника, присутствующие в текстах античных авторов и на керамике VII–IV вв. до н.э. и дающие представление об изменении понимания воинской добродетели через противопоставление лучников и гоплитов. Из корпуса источников выбраны только те, которые позволяют представить особенности образовательного пути героя, и исключены тексты и изображения Геракла, совершающего подвиги. Традиционно образ Геракла рисуется как образ воина, сражающегося с разными типами вооружения, но отдающего предпочтение луку. Калейдоскоп образов Геракла начинается от образов ребенка, который не побоялся напасть луком на богов, до взрослого героя, который часто вел себя как ребенок и совершал множество преступлений с использованием лука. К последним относятся убийства двух наставников – Эврита и Хирона. Превознесение или порицание героя за выбор лука было следствием целого ряда факторов: развития древнегреческого военного дела, переосмысления воинской доблести Гомером и другими античными авторами, острых переживаний военных конфликтов (например, битвы при Платеях). Традиция веками связывала Геракла с луком, который то рассматривался как символ арете, то как орудие труса, очерчивая все новые и новые контуры пайдеей героя.

Ключевые слова: *Геракл, лучник, гоплит, Эврит, Хирон, добродетель воина.*

Широко тиражируемый образ Геракла – это образ воина, сражающегося с врагами/чудовищами. Именно так он предстает в самых ранних древнегреческих текстах и изображениях на вазах и именно так он изображается в современном кино. Легко угадываемая фигура Геракла с львиной шкурой и дубиной или луком была узнаваемой на протяжении всей Античности¹. Именно благодаря оружию Геракла легко идентифицировать на изображениях с боевыми сценами: даже при недостаточной четкости изображения он защищен от того, чтобы быть отнесенным к группе «неизвестных воинов»². Легко меняющий один тип оружия на другой, Геракл на многие века стал своего рода арбитром между лучником и гоплитом, противопоставление которых отражало особенности понимания воинской добродетели. В рамках данной статьи будут проанализированы образы Геракла-лучника, присутствующие в текстах античных авторов, не касающихся подвигов героя, а также на керамике

¹ Изображения Геракла без своих неизменных атрибутов – шкуры, лука или дубины – являются исключением, нежели правилом. Например, на краснофигурном кратере, датированном ок. 350 г. до н.э. (Madrid, Museo Arqueológico Nacional, (L369)11094), изображен необычный Геракл: он одет в доспехи с эффектным шлемом и поножами, но безоружен, а из-под доспехов видна странная прозрачная ткань, похожая на элемент женской одежды. Изображение приводится и обсуждается здесь: Taplin 2007: 143-145; Pache 2004: 57-59. Ссылка на изображение: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Madrid_Krater_Asteas_MAN_Inv11094.jpg

² Echeverría 2015: 41.

VII–IV вв. до н.э., изображающей героя в небоевых сценах. Эта группа источников отражает особенности образовательного пути героя – темы, которая незаслуженно обделена исследовательским вниманием.

Начало образовательного пути Геракла: выбор в пользу лука и стрел

В истории древнегреческого военного дела лучники были значимой категорией уже в микенское время (а, вероятно, и ранее) и примерно до VIII в. до н.э.³, затем их значение было оспорено гоплитами⁴. В истории описания античных военных конфликтов все не так прямолинейно: лук и копье то противопоставлялись, то примирялись. Так, Геродот, повествуя о битве при Платеях (479 г. до н.э.), пишет, что персы потерпели поражение потому, что сражались легким оружием (в т.ч. луками) против тяжело вооружённых гоплитов. Применительно к этому военному столкновению Геродот характеризует лук как наступательное оружие, а копье как оружие защиты и подчеркивает отважность и силу воинов, использующих оба вида оружия⁵ (Hdt.IX.61-3). Эсхил же, поставивший трагедию «Персы» 472 г. до н.э., всего через семь лет после этого сражения, противопоставляет греческое гоплитское копье персидскому луку: «Сразил ли врага натянутый лук, / Иль вражье копье / Острием одержало победу?» (Aesch. Pers. 147-149; пер. С. Апта). Вторжение персов «еще сильнее закрепило в умах греков связь между метательным оружием и варварами»⁶, открыв простор для того, чтобы гоплит и лучник в текстах древнегреческих авторов начали биться не на жизнь, а на смерть. Не последнюю роль в этом «бою» играл образ Геракла, веками используемый для усиления или ослабления аргументации.

В «Илиаду» включен эпизод, когда Геракл выстрелил из лука в Гериу и Аиду и причинил им сильную боль (Hom.II. V.392-404). Обстоятельства нападения на богов остаются неясными, но некоторые древние авторы связывали рану Геры с эпизодом, когда она оттолкнула Геракла-младенца от груди при кормлении. Так или иначе, появляется яркий образ ребенка-лучника, который каким-то образом был научен обращаться с этим оружием и не побоялся с ним напасть на богов. В «Одиссее» главный герой в царстве мертвых встретил Геракла, который держал «выгнутый лук, со стрелой на тугой тетиве, и ужасно / Вкруг озирался, как будто готовый спустить ее тотчас» (Hom. Od. XI. 607-608; пер. В. Вересаева). Хотя у Гомера и «нет единого последовательного образа Геракла – скорее, есть множество образов, которые не могут быть легко объединены в связную картину»⁷, лук сопровождает героя от рождения

³ Garland 1975: 128.

⁴ О гоплитской «реформе», которая привела к изменению представлений о воинской доблести и идеологии гоплитов с печатью аристократического происхождения см.: Cartledge 1977: 24.

⁵ Здесь и далее ссылки на русские переводы оформлены согласно отечественной традиции разбивки источника, а указания на источники без перевода – согласно электронной базе The Perseus Digital Library.

⁶ Michael 2003: xix.

⁷ Liapis 2006: 48.

и до путешествий по царству мертвых. Между этими двумя крайними точками и совершал свои подвиги Геракл, который в детстве вел себя как маленький взрослый, а в зрелом возрасте – как большой ребенок.

Античные авторы указывают на то, что много наставников учило Геракла тонкостям воинского искусства, но он с детства отдавал приоритет луку и стрелам, а по мере взросления совершал все больше и больше деяний именно как воин-лучник. Так, Эсхил в «Прометее прикованном» указывая на Геракла, говорит о рождении «того отважного стрелка из лука» (Aesch. PV. 871–2; пер. С. Апта), и продолжает эту линию в «Прометее освобожденном», где Геракл убивает из лука орла, клюющего печень Прометея. Софокл в «Трахинянках» называет героя «безупречным стрелком», которого боги отводят от смерти (Soph. Trach. 129; пер. С. Шервинского). Аполлодор также высоко оценивает Геракла как стрелка: «Научившись у Эврита искусству стрельбы из лука, Геракл получил от Гермеса меч, от Аполлона – лук и стрелы, от Гефеста – золотой панцирь, от Афины – плащ; дубину же он сам вырубил себе в Немейском лесу» (Apollo. Bibl. II.4.11; пер. В.Г. Боруховича).

О своеобразном даре Афины сообщает также Диодор Сицилийский, который, как и Аполлодор, использует слово *τέλλος*, подчеркивая, что он (в русском переводе Диодора О.П. Цыбенко – «одежда») был первым из божественных даров (Diod.Sic. IV.14.3). В ряду этих даров *τέλλος* (как его ни назови) кажется странным подарком от богини-воительницы, так как не является значимой частью экипировки воина. Афина дарит герою пеплос – праздничную женскую одежду, которую Геракл должен был одевать во время отдыха между подвигами, то есть об элементе его гардероба, соперничающем с львиной шкурой – «его официальной одеждой»⁸. Обходя стороной многочисленные исследования о парадоксах женственной мужественности Геракла, подчеркну важный момент для моего исследования: лук и прочие божественные подарки находятся на одной чаше весов, а пеплос – на другой. Лук не является даром, который позволяет усомниться в мужественности героя; эту функцию выполняет пеплос.

В комедии «Птицы» Аристофан намекает на изнеженность Геракла, отпуская шутку с педагогическим подтекстом: «Да неужели крепким будет город тот, / Где вместо бога женщина копье и щит, / Как воин, держит, а Клисфен кудель прядет» (Ar. Av. 830–1; пер. А. Пиотровского). В этой шутке есть как минимум два измерения. Афина, подарившая Гераклу пеплос, помимо прочего, была богиней ткачества. Кроме того, прядение и ткачество были исключительно женской областью деятельности, поскольку требовали «более “специфического” набора навыков»⁹. Аристофан в этом фрагменте намекает на деятельность Геракла при дворе Омфалы: комедиограф здесь не далеко уходит от традиции, в рамках которой Геракл является героем с «непростой мужественно-

⁸ Loraux 1990: 33;30.

⁹ Wolicki 2015: 306.

стью», освобождаящимся «женских пут, чтобы восстановить свой мужской статус»¹⁰. Так, у Овидия Деянира, укоряя Геракла в связи с Омфалой, говорит, что он утратил свою мужественность не потому, что надел женскую одежду, а потому что разрешил Омфале забрать у него львиную шкуру, дубинку, стрелы и облачиться в его амуницию: «Тут уж не ты, а она мужем по праву была...» (Ovid. Her.9.106; пер. С. Ошерова).

Таким образом, Геракл избрал лук как любимое оружие в самом раннем возрасте. Обучение владению им под контролем Еврита стало значимой частью образовательного пути героя. Аполлодор и Диодор Сицилийский сообщают, что боги, высоко оценивая Геракла как воина, подарили ему разные виды оружия. Из четырех божественных подарков (меч от Гермеса, лук и стрелы от Аполлона, золотой панцирь от Гефеста, пеплос от Афины) только подарок Афины мог бросить тень на мужской статус героя. Однако именно дар Аполлона стал использоваться для обвинений Геракла в недостаточной мужественности, на которую намекал Аристофан в комедии «Птицы».

Ученик-лучник, убивающий своих учителей версии Гомера, Софокла, Феокрита и Аполлодора

Авторами, проливающими свет на учебный план для героя, являются Феокрит и Аполлодор. Согласно Феокриту, Алкмена серьезно подошла к образованию сына, и у Геракла было шесть наставников: стрелять из лука его научил царь Эхалии Еврит, борьбе – сын Гермеса Гарпалик, управлять колесницей – Амфитрион, ратному искусству – Кастор, музыке – Евмолп, а чтению – Лин (Theoc. Id.103-140). По мнению Д. Стерн, Феокрит указывает на особенности применения «человеческой пайдейи» к подготовке героя, в руках которого впоследствии окажутся жизни двух его наставников – Лина и Еврита¹¹. Согласно Аполлодору, у Геракла было пять наставников: Евмолп не упоминается, а Гарпалик заменен на другого сына Гермеса – Автолика (Apollod. Bibl. II.4.9). Аполлодор акцентирует внимание на роли Амфитриона в становлении Геракла (Apollod. Bibl. II.4.9), сообщает об инциденте с Лином, игнорируемый Феокритом¹², но частично умалчивает об эпизоде с Евритом. После того как Геракл одержал победу в устроенном Евритом состязании по стрельбе из лука, последний отказался отдать ему в жены свою дочь Иолу. Разгневанный Геракл угнал его кобылиц (Diod.Sic. IV.31.2), а позднее убил Еврита и его сыновей (Apollod. Bibl. II.7.7).

Иную версию причин и результатов конфликта наставника и его бывшего ученика сообщает Софокл в трагедии «Трахинянки», куда включено гомеровское повествование об убийстве Ифита – сына Еврита. Трагедия начинается с речи жены Геракла Деяниры, которая сообщает, что семья героя вынуждена жить в изгнании в Трахине после того как Гераклом «сражен Ифит могучий» (Soph. Trach.38; пер. С. Шервин-

¹⁰ Jones 2012: 239.

¹¹ Stern 1974: 361; 359-360.

¹² О Геракле, убившем Лина стулом во время урока музыки: Пичугина 2022: 157-161.

ского). Вестник Геракла Лихас приносит Деянире весть, что ее муж жив, скоро прибудет домой, а также сообщает о предшествующих этому событиях. Лихас говорит, что Геракл пошел с наемным войском на Эхалию, поскольку считал Еврита «виновником единым бед своих» (Soph. Trach.274; пер. С. Шервинского). Далее Лихас прямо указывает на то, в чем именно была вина Еврита:

Однажды у Еврита был он гостем.
Тот оскорбил его и дерзкой речью,
И злобною душой, сказав ему:
«Хоть стрелы у тебя неотразимы, —
В стрельбе моим уступишь сыновьям.
Ты раб, — Еврит вскричал, — и был не раз
Жестоко бит!» И на пиру, хмельного,
Его из дома вытолкал.

(Soph. Trach.275-82; пер. С. Шервинского)

Бывший наставник не просто в грубой форме напомнил Гераклу о его ученичестве, но и подчеркнул образовательный неуспех, сравнив его со своими сыновьями. После этого Геракл подкараулил и застрелил сына Еврита из лука, за что и был наказан Зевсом, не потерпевшим совершенного обманом убийства. Софокл подчеркивает, что для Зевса было бы приемлемым «честное возмездье» (Soph. Trach.292), но за такой вероломный поступок Геракл получил наказание сроком на год – пребывание при дворе Омфалы. На это намекает Клитемнестра в трагедии Эсхила «Агамемнон», говоря, что если уж выпадает доля попасть в рабство, то лучше попасть в «дом, богатый издавна» (Aesch. Ag.1025-7; пер. С. Апта). Лихас подчеркнул Деянире, что сразу же после окончания срока наказания, Геракл захватил город Еврита, убив его и сыновей.

У Софокла Еврит грубо нарушил законы Зевса о гостеприимстве, а у Гомера, напротив, это сделал Геракл, убив Ифита в своем доме ради его коней (Hom. Od. XXI. 25-30). Относительно Геракла и Еврита у Гомера рассуждает Одиссей, акцентируя внимание на другой версии смерти бывшего наставника героя:

Против же прежних людей я бороться никак не посмел бы —
Против Геракла иль против Еврита, царя Эхалии.
Луком не раз состязались они и с самими богами,
Вот почему и погиб великий Еврит, не достигнув
Старости в доме своем; умертвил Аполлон его — в гневе,
Что его вызвать посмел он в стрельбе состязаться из лука.
Дальше могу я достигнуть копьем, чем иные стрелою.

(Hom. Od. VIII.223–229; пер. В. Вересаева)

Гомер и Софокл¹³, указывают на разные причины конфликта Геракла с Евритом и/или его сыном Ифитом¹⁴, но в обоих случаях «Геракл опасно склонен к беззаконию, типичному для его врагов (в данном

¹³ Софокла считают «трагическим Гомером». См.: Easterling 1984: 1-8.

¹⁴ О еще одной версии, существовавшей в постгомеровской традиции и отражающей то, что Геракл убил Ифита в безумии, то есть освобождается от ответственности, см.: Papadopoulou 2005: 5.

случае – Еврита)»¹⁵. Обратим внимание на два изображения Геракла в гостях у Еврита. На коринфском кратере ок. 600 г. до н.э. изображен Геракл, мирно обедающий с Евритом и его сыновьями в присутствии Иолы. Вероятно, это пир перед или после состязания из лука, но до того, как Геракл не получил награду (Paris, Musée du Louvre: E635)¹⁶.

Отголоски непростых отношений между наставником и его бывшим учеником находят отражение в вазописи. На чернофигурной амфоре из Вульчи ок. 525–475 гг. до н.э. изображен Геракл, который уже убил двух сыновей Еврита и целится из лука в метку рядом с Иолой, а Антифон, Еврит и сама Иола пытаются его остановить (Madrid, Museo Arqueológico Nacional: L65)¹⁷. На краснофигурном стамносе ок. 500–450 гг. до н.э. также изображен Геракл, который хочет выстрелить в Иолу (Basel, Münzen und Medaillen A.G., 44520)¹⁸. Перед ним стоит лучник во фригийском колпаке, а за ним идет Еврит, который смотрит на Иолу. Таким образом, традиция сохранила разные причины конфликта Геракла и Еврита, но следует отметить, что наставник в стрельбе из лука и ученик общались после того, как обучение было завершено.

Еще одним наставником Геракла, о котором сохранились весьма скудные упоминания в текстовой¹⁹ и визуальной²⁰ традициях, вероятно, был кентавр Хирон. Геракл был одним из тех, кто, возможно, некоторое время обучался в «школе для героев» или «школе воина»²¹ Хирона, которая существовала до появления «формального школьного обучения» в рамках классной комнаты²². Сведений о том, чему Хирон обучал Геракла, не сохранилось, но учебный план для других героев²³ в обязательном порядке содержал обучение военному искусству.

Традиция связывает кентавра не с луком, а с копьем. В вазописи распространен сюжет, где Хирон несет ствол дерева²⁴, которое станет затем копьем, преподнесенным в качестве подарка на свадьбу Пелея и Фетиды. Согласно Гомеру, от Пелея копьё перешло к Ахиллесу и сопровождало его в троянской кампании (Hom. II. XVIII.82–85). Копьё

¹⁵ Liapis 2006: 52.

¹⁶ Ссылки на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/1037A929-333E-4039-966A-1E64DB9B947D>; <http://ark.dasch.swiss/ark:/72163/080e-747ec4659e9a7-2>

¹⁷ Ссылка на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/441073E8-A2FA-404F-A00E-36BC098E39A9>

¹⁸ Ссылки на изображение: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/051C9EA6-7558-4548-86F9-24EE4AEBB888>; <http://ark.dasch.swiss/ark:/72163/080e-74c3012f07ba0-0>

¹⁹ Хирон как учитель Геракла упоминается в сохлжих к Феокриту и сочинении Плутарха «О “Е” в Дельфах».

²⁰ На чернофигурной вазе из Вульчи ок. 525–475 гг. до н.э. Гермес с маленьким Гераклом летит к Хирону (Munich, Antikensammlungen, 1615), что соответствует популярному в первой половине V в. до н.э. сюжету о передаче Ахиллеса Хирону.

²¹ Gregory 2019: 63.

²² Pache 2021: 10.

²³ См. об этом: Пичугина, Жирнова 2021: 30–44.

²⁴ Ссылки на изображения: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/62DF58B2-CE3A-430B-9AC8-51F60EDEC8E0>; <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/8CE82BFC-E237-4BC2-8AD3-D6883381210E> и др.

подчеркивало связь Ахиллеса и воспитавшего его Хирона, а также уникальность образовательной программы: никто не мог владеть копьем, кроме самого Ахиллеса (Ном. II. XVI.140-144; XIX.388-391), и в его руках оно могло как ранить, так и лечить. Нет оснований говорить о том, что Хирон учил Геракла владению копьем, можно лишь говорить о том, что кентавр не учил своих учеников стрелять из лука. Однако смерть Хирона по вине Геракла произошла именно из-за стрелы, что отражено, например, в трагедии «Прометей прикованный» Эсхила (Aesch. PV. 1027–28) и недошедшей до нас трагедии «Прометей освобожденный»²⁵. На краснофигурном килике ок. 340 г. до н.э. (Antikensammlung, 1969.9)²⁶ изображены прикованный к скале Прометей и приближающийся к нему Геракл, который хочет его освободить и уже застрелил орла. Следы от лука плохо сохранились, но присутствуют на килике.

Смерть еще одного наставника Геракла также стала следствием нарушения законов гостеприимства. Как сообщает Аполлодор, Геракл потребовал от кентавра Фола открыть для него принадлежавшую всем кентаврам бочку вина. Когда кентавры сбежались к пещере Фола, вооружившись камнями и стволами деревьев, Геракл стал в одних метать горящие головни, а других преследовать и стрелять в них из лука. Фол и Хирон пострадали от ядовитых стрел Геракла:

«Целясь из лука в кентавров, столпившихся вокруг Хирона, Геракл выпустил стрелу, но она, пронзив плечо кентавра Элата, засела в колене Хирона. Глубоко огорченный этим, Геракл подбежал и, вытащив стрелу, приложил к ране лекарство, которое дал ему Хирон. Но рана была неизлечимой... Вернувшись в Фолю, Геракл нашел и Фола погибшим вместе со многими другими. Фол, вытащив из трупа стрелу, стал удивляться, как такой маленький предмет мог погубить таких огромных кентавров. Но стрела выскользнула у него из рук, упала на ногу и ранила его, отчего он немедленно скончался» (Apollod. Bibl. II.5.4; пер. В.Г. Боруховича).

На вину Геракла в смерти Хирона указывает и Софокл в трагедии «Трахинянки», где Деянира говорит о кентавре как божественном существе: «Стрела Геракла, знаю я, и бога / Хирона погубила: смертоносна / Она для всех животных» (Soph. Trach.728–30; пер. С. Шервинского). Вероятно, Геракл не обучался у Хирона искусству врачевания, которое входило в учебный план некоторых учеников кентавра. Лукиан Самосатский вкладывает в уста Геракла осуждение деятельности Асклепия, называющего врачевание недостойным занятием²⁷, а в уста Зевса – оправдание этой деятельности и приравнивание ее к деятельности Геракла²⁸.

²⁵ Об образовательной идее, связывающей эти две трагедии, см.: Роджерс 2021: 213.

²⁶ Изображение приводится и обсуждается здесь: Taplin 2007: 80–82.

²⁷ В «Разговорах богов» Геракл говорит Асклепию: «Да, но жизнь моя уж во всяком случае не похожа на твою. Я – сын Зевса, я совершил столько подвигов, очищая мир от чудовищ, сражаясь с дикими зверями и наказывая преступных людей! А ты что? Знахарь и бродяга! Быть может, ты и сумеешь помочь больному какими-нибудь своими лекарствами, но совершить подвиг, достойный мужа, – этим ты не можешь похвастаться» (Luc. Dial. G. 13.1; пер. С.С. Сребрного).

²⁸ В «Собрании богов» Зевс говорит Мому: «Но Асклепий лечит, исцеляет от болезней, “и многих один он достоин”, а Геракл – мой сын и немалыми трудами добыл

Овидий предлагает несколько иное описание событий, но смерть кентавра также связана с луком: совершив множество подвигов, Геракл пришел в пещеру Хирона, где был радушно встречен кентавром и его учеником Ахиллесом. Наставник и ученик стали изучать обмундирование Геракла:

Тут без боязни Ахилл прикоснулся к торчащей щетине
Шкуры и даже ее смело погладил рукой.
В это же время старик разбирал напоенные ядом
Стрелы, но в левую вдруг ногу вонзилась стрела.
(Ov. Fast. 396–9; пер. Ф.А. Петровского).

Овидий вносит в сюжет о смерти Хирона педагогическую составляющую, смягчая ответственность Геракла. Последний так увлекся рассказами о подвигах и возгордился высокой оценкой его доблести от Хирона, что не предупредил наставника и его юного ученика о возможной опасности (Ov. Fast. 406–412).

Таким образом, повзрослевший Геракл использовал лук и стрелы не только на благо, но и во вред. Его склонность к насилию, проявившаяся еще в детском возрасте, оказались бессильны изменить все окружающие его, и многочисленные наставники не стали исключением. Двух наставников – Еврита и Хирона – Геракл убивает с использованием лука в обстоятельствах, которые чаще всего связываются с нарушением героем законов гостеприимства.

Особенности ученичества Геракла.

Лук – символ арете или орудие труса?

Сколько бы славного не совершил герой, всегда найдется причина упрекнуть его в недостаточной мужественности. Таких упреков не избегает и Геракл, часто побеждающий благодаря не мечу и щиту, а луку и стрелам. Даже жизненная философия, по Еврипиду, связана с образом лука и стрел: «Да, кто не умеет / Противостать несчастью, тот и стрел / Врага, пожалуй, испугается...» (Eur. HF.1348-50; пер. И. Анненского).

У Гомера Геракл представлен как тот, чьи стрелы были направлены как против смертных, так и против бессмертных (Hom. II. V.394-402; Hom. Od. VIII.225, XI.601-26). Геракл предстает как «отрицательное зеркальное отражение Одиссея²⁹: постоянные неудачи в стрельбе из лука будут уравновешены убийством женихов³⁰, которое совершит Одиссей из лука»³¹ – того самого лука, который был оставлен Евритом в наследство сыну Ифиту и затем подарен им Одиссею (Hom. Od. XXI. 13-14; 32-

себе бессмертие; поэтому их ты уж не обвиняй» (Luc. Deorum Concilium. 6; пер. С.Э. Радлова).

²⁹ Следует отметить, что у Гомера судьба Одиссея предстает как инверсия судьбы другого героя – Ахиллеса. О том, что сопоставление этих героев может вестись не только в плоскости (хитрость – сила), см.: Grethlein 2017: 124 и далее.

³⁰ Интересно еще и то, что Одиссей, чья способность владеть луком принесет смерть женихам, сообщает феакам, что он на поле троянской битвы уступает в мастерстве стрельбы только Филоктету (Hom. Od. VIII. 219-20). В следующей части статьи я обращусь к изображению, на котором Афина передает Филоктету лук Геракла.

³¹ Lapis 2006: 49.

33). Получив такой подарок, Одиссей одарил Ифита мечом и копьем, но не смог пригласить его к себе в дом, поскольку его убил Геракл. С тех пор, как сообщает Гомер, Одиссей никогда не брал с собой в далекие военные походы этот лук и стрелы: «Память о госте возлюбленном верно храня, их берег он / В доме своем; но в отечестве всюду имел при себе их» (Hom. Od. XXI.40-1; пер. пер. В. Жуковского).

Таким образом, Гомер представляет Одиссея и Геракла как воинов-лучников с разной судьбой: если Одиссею «удается восстановить цивилизованный порядок посредством необычайного искусства стрельбы из лука»³², то Геракл, напротив, постоянно нарушает этот порядок. Так или иначе, но «история лука» связывает Геракла и Одиссея, чтобы указать на «негативную сторону триумфа Одиссея»³³. Возможно, что «Одиссей, как и Геракл, принадлежит к древней традиции героев-лучников», а потому «был перенесен вместе со своим луком в гомеровские времена»³⁴. К. Крисси утверждает, что двадцать первую книгу «Одиссеи», в начале которой и появляется Геракл, «можно назвать “Книгой о луке”»³⁵: она начинается с того, как Одиссей приобретает лук, а заканчивается тем, как он превращает его в орудие мести. Хотя «право собственности» на лук можно проследить от Ифита до Еврита и Аполлона³⁶, Одиссей был готов обменять на него «острый меч и копье боевое» (Hom. Od. XXI.34; пер. В. Вересаева), т.е. легко переквалифицироваться из лучника в гоплита. Одиссей не использует лук во время Троянской войны, т.е. позиционируется как герой, который хочет обрести воинскую славу копьем и мечом. Но о луке он, все же, не забывает, говоря: «луком один Филоктет меня побеждал неизменно» (Hom. Od. VIII. 219; пер. В. Вересаева)

Лук в «Илиаде» используют Пандар и Парис на стороне троянцев и Тевкр на стороне ахейцев, а также простые воины³⁷ с обеих сторон³⁸. Однако отношение к этому оружию было двойственным: лук был почетным оружием в руках богов, но в руках людей противоречил кодексу героя³⁹. Вероятно поэтому те, кто использовал лук, уступали тем, кто этого не делал: «Мерион – Идоменею, Тевкр – брату Аяксу, а Парис – брату Гектору»⁴⁰. Х. Боуден, оспаривая тезис о том, что «Илиада» описывает войну гоплитов, указывает на то, что правители и простые воины отличаются не только рангом: первые всегда сражаются в одиночку,

³² Liapis 2006: 50.

³³ Crissy 1997: 53.

³⁴ Sutherland 2001: 114.

³⁵ Crissy 1997: 41-53.

³⁶ Sutherland 2001: 113.

³⁷ Так, например, Филоктет ведет за собой семь кораблей «...и на каждом из них пятьдесят находилось / Сильных гребцов, превосходно умевших сражаться стрелами» (Hom. II. II. 720-1; пер. В. Вересаева).

³⁸ См. о причинах этого: Michael 2003: 10.

³⁹ Это противоречие находит отражение в многочисленных ругательствах (Hom. II. IV.242; XI.386 и др.), которыми пользуются герои. Одно из них приведено нами ниже в переводе Н. Гнедича (Hom. II. XI.390).

⁴⁰ Sutherland 2001: 116.

с равными себе и никак не в составе фаланги⁴¹. Он подчеркивает, что поединки между Менелаем и Парисом, Гектором и Ахиллесом – это не обычные, а исключительные сражения; способ «избежать битвы гоппитов, а не элемент такой битвы»⁴². Таким образом, хоть «Илиада» и не описывает ни войну гоппитов, ни войну лучников, последние не так уважаемы, как первые: Диомед уподобляет Париса женщине или ребенку, когда тот стреляет из укрытия. Согласно Диомеду, открытый бой намного почетнее, чем попадание во врага из лука:

Если б противу меня испытал ты оружие открыто,
Лук не помог бы тебе, ни крылатые частые стрелы!
Ты, у меня лишь пята оцарапавши, столько гордишься;
Мне же ничто! как бы дева ударила или ребенок!
Так тупа стрела ничтожного, слабого мужа!
(Hom. II. XI.386-90; пер. Н. Гнедича).

Такого же мнения придерживается Плутарх, говоря о Парисе: «...быть убитым часто доводится и сильным от руки слабых, как впоследствии пал Ахилл, застреленным Парисом. Думаю, что мы не назовем смерть Ахилла поражением, а чуждую справедливости удачу выстрелившего его победой» (Plut. Mor. IX.13.2; пер. Я. Боровского). Однако «за презрением к стрелам, которое эхом отдавалось в веках от Гомера», вероятно, стоит «необходимое оправдание» отказа от разработки легковооруженной войны⁴³, и это оправдание никак не связано с избыточной мужественностью одних и недостаточной мужественностью других, что так часто обсуждается в текстах античных авторов с отсылкой к Гомеру.

Какова бы ни была причина, по которой Гомер преуменьшал значение стрельбы из лука, мы имеем дело со следствием, т.е. с «ожиданием публики»⁴⁴. Начиная с Гомера оценка добродетельности воина-лучника не была однозначной: одни определяли лук как оружие мудрых и умеющих наносить раны, сохраняя при этом собственную жизнь, а другие это оспаривали. В трагедии Софокла «Аякс» честь лучников отстаивает Тевкр в споре с Менелаем:

Менелай: Вооружен ты луком, а спесив!
Тевкр: Я – лучник вольный, – не тружусь за мзду.
Менелай: А при щите ты вовсе бы зазнался!
Тевкр: хоть ты и со щитом, с тобой я слажу!

(Soph. Aj. 1149–52; пер. С. Шервинского)

Менелай подчеркивает, что будь Тевкр гоппитом со щитом с ним было бы еще тяжелее найти общий язык. Тевкр считает, что деление на лучников и гоппитов по степени спесивости неправомерно, и предлагает свое деление на наемных и свободных лучников. В логике Тевкра Геракла, совершающего подвиги, можно было отнести к несвободным лучникам на службе Еврисфея, а Геракла, совершающего убийства

⁴¹ Bowden 1995: 54;57.

⁴² Bowden 1995: 57.

⁴³ Cartledge 1977: 24.

⁴⁴ Sutherland 2001: 115.

своих наставников, к свободным лучникам. И в этой свободе заключена возможность действовать так, как угодно.

Софокл в «Трахинянках» напоминает, что Геракл подкараулил и застрелил из лука Ифита; Зевс наказал его за то, что «свершил убийство обманом» (Soph. Trach.291; пер. С. Шервинского). То, за что осудил настоящий отец, не считал постыдным приемный: Амфитрион, бывший еще и наставником Геракла (согласно Феокриту и Аполлодору), в трагедии Еврипида «Геракл» отстаивал достоинства лука и стрел. Лик называет Геракла-лучника трусливым воином⁴⁵ (Eur. HF.158-164), а Амфитрион произносит своеобразную оду воину-лучнику⁴⁶, провозглашая его умения лучшим военным искусством. То есть лук становится предметом спора, за которым стоят непростые вопросы о мужественности и добродетельности воина⁴⁷. Лик, отдающий приоритет копью, обвиняет Геракла-лучника в том, что он остался в возрасте эфеба⁴⁸, т.е. обладает лишь видимостью взрослого воина. По мнению И. Гарлана, хотя использование лука и считалось «несовместимым с ценностями и обычаями гоплитов», факт несогласия Амфитриона с Ликом, демонстрирует, что осуждение лучников «уже не было абсолютным»⁴⁹. В том, что обличителем выступает именно Лик, заключена ирония Еврипида: имя героя вызывает в памяти образ того, кто «не знает правильных ценностей»⁵⁰.

Риторика Амфитриона предстает как своеобразный способ защиты Геракла, усиливающий подразумеваемое Ликом противостояние лучника и гоплита (Eur. HF.188-203):

Гоплит — он в вечном рабстве у своих
 Доспехов: сломится ль копье в сраженье,
 Он беззащитен; будь с ним рядом труссы,
 Храбрейший из гоплитов пропадет.
 Ну, а владелец лука может смело
 Разить врагов: всегда довольно стрел
 В его распоряженье для защиты
 (Eur. HF.190-6; пер. И. Анненского).

Иными словами, Амфитрион делает следующий вывод: такие как Лик могут сколько угодно уповать на благородство стоящих рядом товарищей-гоплитов, а такие как Геракл привыкли надеяться только на себя, и их благородство – только их заслуга. Несмотря на то, что Лик является отрицательным персонажем, ему удается «поставить под со-

⁴⁵ Трусливая стрела – его оружие,
 Военное искусство – в быстрых пятках.

Да может ли, скажите мне, стрелок
 Из лука храбрым быть? (Eur. HF.161-4; пер. И. Анненского)

⁴⁶ Одиссей у Гомера рассуждает о том, что лучники прошлого, среди которых были Еврит и Геракл, безусловно, были сильны, но в настоящем он копьем победит лучника (Hom. Od. 223–229).

⁴⁷ См. об этом: Hamilton 1985: 20.

⁴⁸ George 1994: 147.

⁴⁹ Garlan 1975: 128.

⁵⁰ См. об этом: Foley 2019:181.

мнение доблесть героя»⁵¹, подчеркнув, что ничего исключительного в подвигах Геракла нет, а есть лишь его приверженность к луку и стрелам.

Возможность критики со стороны Лика в столь острых формулировках («лук – оружие труса, который всегда готов убежать, никогда не оказывается в пределах досягаемости копья и никогда не вступает в отношения взаимного видения с противником»⁵²) стала следствием греко-персидских войн. Геракл в данном контексте предстает лишь как удобный для Еврипида пример, который является частью обширного дискурса о боевой доблести смертных и бессмертных. В «Илиаде» Аполлон поражает Патрокла сзади, нанося удары в спину. Бог бьет и издалека, и с близкого расстояния: «когда Аполлон бьет издалека, его оружие, конечно, стрела»⁵³. В другом эпизоде, когда Тевкр целился из лука в Гектора, Зевс «сокрушил тетиву, и у Тевкра умчалась мимо / Тяжкая медью стрела, и лук из руки его выпал» (Ном. II. XV.463-4; пер. В. Вересаева). Иными словами, только боги решают, как и когда смертным разрешено пользоваться луком. Использование лука, таким образом, рассматривается как недопустимое подражание богам, а потому связывалось «со смертью, трусостью и предательством»⁵⁴.

У Еврипида полубожественный герой уже не может быть безоговорочно отнесен к тем, кто, как и Аполлон, может всегда и везде выбрать любой способ боя. С одной стороны, Геракл – это тот, кто привык использовать лук, чтобы получить визуальное преимущество над врагами, которое часто используют боги, а с другой – тот, кто оказался не готов к тому, что боги (в частности – Лисса) нанесет ему удар, не причинив физической боли. Драматический замысел Еврипида не может не вызвать восхищения: поражение безумием становится для Геракла как удар стрелы из невидимой зоны, зоны его души. Именно поэтому Лисса говорит, что будет действовать по отношению к дому и домочадцам Геракла как стрела молнии: «Я чертог его разрушу, / Размечу колонны дома. Но сперва детей убьет он; / Да, своей рукой малюток умертвит он без сознания...» (Eur. HF.864-6; пер. И. Анненского). Безумному Гераклу все члены семьи начинают видиться не теми, кто они есть: Амфитрион становится отцом Еврисфея (Eur. HF.967-968), а дети – сыновьями Еврисфея (Eur. HF.970-71, 982, 989). Безумие Геракла, направляющего оружие против близких, подобно безумию Ореста, который целится из лука в фурий, одной из которых ему кажется Электра (Eur. Or. 260-80).

«Но не следует забывать, – подчеркивает Д. Камербик, – что на протяжении всей пьесы лук используется как символ арете Геракла: он постоянно ассоциируется с доблестными подвигами, но также является основным орудием при нападении на жену и детей»⁵⁵. В заключительной

⁵¹ Papadopoulou 2005: 136.

⁵² Holmes 2008: 254.

⁵³ Holmes 2008: 257.

⁵⁴ Sutherland 2001: 117.

⁵⁵ Kamerbeek 1966: 6-7.

части трагедии Еврипида перед Гераклом дилемма: взять лук с собой или оставить, то есть считать его лишь оружием героя или видеть в нем напоминание об убийстве самых близких. Геракл не может расстаться с оружием, поскольку с его помощью совершены подвиги («Товарищ бранный! / Носить тебя, страдая, но носить!»), Eur. HF.1386–7; пер. И. Анненского), что косвенно подчеркивает значимость для него обученности именно в сфере стрельбы. У Еврипида Геракл не готов «отречься от своего славного прошлого»⁵⁶, частью которого является и образовательное прошлое. Но ему придется это сделать: «старый Геракл» убит «знанием того, что он сделал» в Фивах, а «новый Геракл»⁵⁷ жив знанием того, что он еще сможет сделать для Афин. Однако этот «новый Геракл» сохранит свой лук, тем самым, реабилитируя лучников делом, а не словом, как это сделал Амфитрион в своей оде лучника⁵⁸.

Итак, лук Геракла – это оружие, с которым он совершил много славных деяний, но и ряд постыдных преступлений. Полубожественная природа Геракла создавала сложности в оценке его желания делать выбор в пользу лука: божественное начало позволяло ему утверждаться в статусе героя с этим оружием, а человеческое начало – запрещало.

Геракл с луком и лук без Геракла: трагедия о трех великих лучниках

Когда мы говорим об изображениях лучников в боевых сценах, то мы должны помнить, что Геракл – «единственный идентифицируемый герой, изображенный с луком и стреляющий стрелами»; остальные лучники – это анонимные персонажи, которые отличаются лишь по одежде и снаряжению⁵⁹. Если мы говорим не о сценах боя, то еще двумя легко узнаваемыми лучниками являются Одиссей и Филоктет, которые являются героями трагедии Софокла «Филоктет». В этой трагедии Геракл является героем, имя которого звучит раньше, чем он появляется на сцене. Представляясь сыну Ахиллеса Неоптолему, Филоктет так говорит о себе: «Владелец я Гераклова оружия, / Я – Филоктет» (Soph. Phil.267-8; пер. С. Шервинского). На краснофигурном кратере, датированном ок. 475–425 г. до н.э. (Paul Getty Museum, 77.AE.44.1)⁶⁰, изображена Афина, которая вручает колчан Филоктету – воину в снаряжении гоплита (шлеме и доспехах), держащему в левой руке щит и копье. За ними наблюдает Геракл с дубиной в руке и с мантией, а не шкурой, перекинутой через левое плечо. Одна из интерпретаций этого сюжета такова: Афина передает колчан, который не принадлежит снаряжению Филоктета, и кото-

⁵⁶ Kamerbeek 1966: 11.

⁵⁷ Holmes 2008: 264.

⁵⁸ Лукиан также реабилитирует Геракла-лучника, когда один из его героев говорит: «Ну, а если кто-нибудь приобретет лук Геракла, не будучи, однако, Филоктетом, чтобы оказаться в силах натянуть его и метко пустить стрелу, — каково твое мнение об этом человеке? Неужели он сможет явить нашим взорам какой-нибудь подвиг, достойный стрелка из лука?» (Luc. Adversus Indoctum. 5; пер. Н.П. Баранова).

⁵⁹ Echeverría 2015: 53.

⁶⁰ Изображение приводится и обсуждается здесь: Brommer 1985: 213-216; <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/0E962E22-356E-4336-85C5-2265C30EBFE6>

рый она получила от Геракла. То есть, перед нами сюжет передачи Филоктету оружия Геракла, который соотносится с трагедией Софокла. Кроме того, это изображение как будто примиряет гоплита и лучника: Филоктет, совершивший много славных дел в снаряжении гоплита, получает лук, чтобы снова их совершать. На психтере ок. 475–425 гг. изображен Геракл в львиной шкуре на костре, который передает свой лук и колчан молодому человеку, предположительно Филоктету (New York, частная коллекция, 9949). Это изображение связано с сюжетом трагедии Софокла «Трахинянки»⁶¹, отражает значимость лука для Геракла, который на пороге смерти передает любимое оружие Филоктету, который, по одной из версий, согласился зажечь погребальный костер героя.

Литературные примеры обмена воинским оружием отражали практику *xenia*, на которую хочет указать Софокл, представляя Геракла другом Филоктета⁶². В трагедии Софокла между Неоптолемом и Филоктетом происходит диалог о луке: первый просит коснуться легендарного лука, а второй отвечает, что разрешает это сделать, подчеркивая исключительность этого разрешения (Soph. Phil.668-682). Когда Неоптолем получает контроль над луком, притворившись другом Филоктета, он ведет себя неподобающе, потому что не предлагает ответного дара. Неоптолем должен был бы действовать, например, как гомеровский Одиссей, который, получив от Ифита лук, взамен дарит меч и копье. Решение Неоптолема вернуть лук означает, что он, все же, хочет действовать как ксенос по отношению к Филоктету. Нет оружия, равного луку Геракла, поэтому возвращение этого оружия Филоктету можно назвать ответным даром⁶³.

В этой трагедии лук играет главную роль даже когда Филоктет использует это легендарное оружие для охоты. Он хочет действовать как воин, в то время как еще другой лучник – Одиссей – хочет действовать как политик⁶⁴. Лук является неизменным атрибутом Филоктета, когда он изображен с больной ногой. Часто на этих изображениях присутствует не только лук, но и чехол⁶⁵ (χωροτός), в котором можно носить лук, колчан и стрелы. Например, на фрагменте краснофигурного килика ок. 475–425 гг., где изображены сидящие напротив друг друга Одиссей и Филоктет, а на дереве, расположенном между ними, висит такой чехол (Basel, Sahn 1738)⁶⁶. Или на краснофигурном кратере ок. 380 г. до н.э., где изображен сидящий в пещере Филоктет с луком в левой руке⁶⁷

⁶¹ Изображение обсуждается здесь: Mills 2017: 529; <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/352B32BB-0DDA-4ACD-B236-78A8F98E7960>.

⁶² Belfiore 1993-1994: 116;121.

⁶³ Belfiore 1993-1994: 122.

⁶⁴ Harsh 1960: 409.

⁶⁵ У Гомера лук Одиссея хранится, бережно завернутый в чехол (Hom. Od.XXI.55).

⁶⁶ Ссылки: <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/F9DF484F-0206-4323-84F7-46638F119F67>; <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/F9DF484F-0206-4323-84F7-46638F119F67>.

⁶⁷ Изображение приводится и обсуждается здесь: Taplin 2007: 98-100; Dugdale 2017: 103; <http://www.beazley.ox.ac.uk/record/7404437F-630A-4990-9736-83356FB661E4>

(Syracuse Archaeological Museum, 36319). За пещерой стоит Одиссей (с одной стороны), который предположительно смотрит на молодую женщину и сжимает меч или колчан, и Афина (с другой стороны), которая наставляет юношу (Неоптолем? Диомед?), а тот внимательно слушает.

В трагедии Софокла Афина не играет значимой роли. Наставником Филоктета помимо Одиссея и Неоптолема является Геракл. Филоктет, слишком заикленный на своем героическом прошлом, постоянно соотносит свои и чужие действия с кодексом героического поведения; Геракл же дает ему возможность подумать о своем героическом будущем и посмотреть на этот кодекс не через свой, а через чужой опыт. Одиссей и Неоптолем оставляли возможность того, что, если Филоктет не согласится следовать в Трою, его лука будет достаточно для победы; Геракл же не разделяет оружие и его владельца, и это оказывается единственно приемлемым вариантом для Филоктета. Геракл оказывается убедительнее Одиссея и Неоптолема, потому что произносит речь, которая утверждает стратегию Ореста из другой трагедии Софокла: если действие обречено на победу, то «не время раздумывать: час действовать настал!» (Soph. El. 22; пер. С. Шервинского). И этой стратегии Филоктету нечего противопоставить, потому что он хочет и любит побеждать с оружием Геракла в руках.

Таким образом, лук Геракла был оружием, которое «имело свою собственную жизнь в мифологии»⁶⁸. Внимание античных авторов к деяниям триады великих лучников – Геракла, Одиссея и Филоктета – позволяет очертить контур добродетели воина, которая утверждалась веками и веками же переосмысливалась.

Пайдейя для героя: между лучниками и гоплитами

Умение Геракла стрелять из лука начало приносить окружающим страдания почти сразу после его рождения. В ряду преступлений Геракла особое место занимали убийства его наставников – Еврита и Хирона – которые могут быть отнесены к сфере неоправданного насилия с применением лука. Двойственность образа Геракла⁶⁹ раскрывалась многими античными авторами через его выбор в пользу легкого или тяжелого вооружения: его описывали то как бесстрашного воина-победителя, то как импульсивного и не слишком образованного человека, действия которого в любой момент могут быть определены стратегией насилия⁷⁰. Выбор Геракла в пользу того или иного оружия со временем стал своеобразным клише как для текстовой, так и для визуальной традиции: Геракл-лучник и Геракл-гоплит стал исходной точкой для оценки добродетельности воина и особенностей его пайдейей.

⁶⁸ Hartigan 1987: 133.

⁶⁹ Или даже «калейдоскопичность» этого образа (Liapis 2006: 48).

⁷⁰ По мнению С. Армитиджа, ответ на вопрос, кто есть «мистер Геракл», таков: «Геракл – это мастер насилия, но также и его раб» (Armitage 2000: vii).

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Пичугина В.К. Геракл как плохой ученик: особенности куррикулума для древнегреческого героя // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. Т.1. № 2(83). С.157–161. [Pichugina V.K. Gerakl kao plohoj učenik: osobennosti kurikulumu dlja drevnegrecheskogo geroga // Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika. 2022. T.1. № 2(83). S.157–161.]
- Пичугина В.К., Жирнова А.С. Визуальность и нарративность в античной традиции об Ахиллесе: уникальный проект аристократического образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2021. Т.1. №4(77). С.30–44. [Pichugina V.K., Zhirnova A.S. Vizual'nost' i narrativnost' v antichnoj tradicii ob Ahillese: unikal'nyj proekt aristokraticeskogo obrazovanija // Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika. 2021. T.1. №4(77). S.30–44.]
- Роджерс Б. До пайдеи: представления об образовании в трагедиях Эсхила / пер. В.К. Пичугиной и Я.А. Волковой, комм. А. Ю. Можайского. СПб.: Издательство РХГА, 2021. [Rodzhers B. Do pajdeji: predstavlenija ob obrazovanii v tragedijah Jeshila / per. V.K. Pichuginoj i Ja.A. Volkovoj, komm. A. Ju. Mozhajskogo. SPb.: Izdatel'stvo RHGA, 2021.]
- Armitage S. *Mister Heracles after Euripides*. London: Faber and Faber, 2000.
- Belfiore E. Xenia in Sophocles' *Philoctetes* // *The Classical Journal*. Dec. 1993 – Jan. 1994. Vol. 89. No. 2. P. 113-129.
- Bowden H. *Hoplites and Homer: Warfare, hero cult, and the ideology of the polis // War and society in the Greek world / ed. J. Rich, G.Shipley. L.; N.Y.: Routledge, 1995. P. 45-63.*
- Brommer F. *Herakles und Theseus auf Vasen in Malibu // Greek Vases in the J. Paul Getty Museum, Vol. 2 / ed. J. Frel, S. Morgan. Malibu, CA: J. Paul Getty, 1985. P.213–216.*
- Cartledge P.A. 'Hoplites and heroes: Sparta's contribution to the technique of ancient warfare' // *JHS*, 1977. Vol. 97. P. 11-27.
- Crissy K. *Herakles, Odysseus, and the Bow: "Odyssey" 21.11–41 // The Classical Journal*. 1997. Vol. 93. No. 1. P. 41-53.
- Dugdale E. *Philoctetes // Brill's Companion to the Reception of Sophocles / ed. Rosanna Lauriola, Kyriakos N. Demetriou. Leiden; Boston: Brill, 2017. P.77-145.*
- Easterling P.E. *The Tragic Homer // Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1984. N 31. P. 1–8.
- Echeverría F. *Heroic fiction, combat scenes, and the scholarly reconstruction of archaic Greek warfare // Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 2015. Vol.58. Iss.1. P.33–60.
- Foley H.P. *Ritual Irony: Poetry and Sacrifice in Euripides*. N.Y.; L.: Cornell University Press, 2019.
- Garlan Y. *War in the Ancient World: A social history*. London: Chatto & Windus, 1975.
- George D.B. *Euripides' Heracles 140–235: Staging and the Stage Iconography of Heracles' Bow // GRBS*. 1994. №35. P. 145–157.
- Gregory J. *Cheiron's way: youthful education in Homer and Tragedy*. Oxford: O.U.P., 2019.
- Grethlein J. 'The Best of the Achaeans? Odysseus and Achilles in the *Odyssey*' // *The Winnowing Oar – New Perspectives in Homeric Studies (Studies in Honor of Antonios Rengakos) / ed. Christos Tsagalis, Andreas Markantonatos*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2017. P. 121–142.
- Hamilton R. *Slings and Arrows: The Debate with Lycus in the Heracles // Transactions of the American Philological Association*. 1985. Vol. 115. P. 19–25.
- Harsh P.W. *The Role of the Bow in the Philoctetes of Sophocles // The American Journal of Philology*. 1960. Vol. 81, No. 4. P.408–414.
- Hartigan K. *Euripidean Madness: Herakles and Orestes // Greece & Rome*. 1987. Vol. 34. No. 2. P. 126–135.
- Holmes B. *Euripides' Heracles in the Flesh // Classical Antiquity*. 2008. Vol. 27. N 2. P. 231-281.
- Jones M. *Playing the Man. Performing Masculinities in the Ancient Greek Novel*. Oxford: O.U.P., 2012.
- Kamerbeek J.C. *Unity and Meaning of Euripides' "Heracles" // Mnemosyne*. 1966. Vol. 19. Fasc. 1. P. 1–16.
- Liapis V. *Intertextuality as Irony: Heracles in Epic and in Sophocles // Greece & Rome*. 2006. Vol. 53. №. 1. P. 48-59.
- Lorau N. *Herakles: the super-male and the feminine // Before Sexuality the Construction of Erotic Experience in the Ancient Greek World / ed. Froma I. Zeitlin, John J. Winkler, David M. Halperin*. Princcton: Princeton University Press, 1990. P.21-52.
- Michael M. Sage. *Warfare In Ancient Greece. A Sourcebook*. L.; N.Y.: Routledge, 2003.
- Mills S. *The Women of Trachis // Brill's Companion to the Reception of Sophocles / ed. Rosanna Lauriola, Kyriakos N. Demetriou. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 512-557.*

- Pache C.O. *Baby and Child Heroes in Ancient Greece*. Urbana-Chicago: University of Illinois Press, 2004.
- Papadopoulou T. *Heracles and Euripidean tragedy*. Cambridge: C.U.P., 2005.
- Stern J. Theocritus' Idyll 24 // *The American Journal of Philology*. 1974. V. 95, N 4. P. 348–361.
- Sutherland C. *Archery in the Homeric Epics* // *Classics Ireland*. 2001. Vol. 8. P.111–120.
- Taplin O. *Pots and Plays. Interactions between Tragedy and Greek Vase-painting of the Fourth Century BC*. Los Angeles: Getty Publications, 2007.
- Wolicki A. *The Education of Women in Ancient Greece* // *A Companion to Ancient Education* / ed. W. Martin Bloomer. Chichester: MA: Wiley-Blackwell, 2015.

Пичугина Виктория Константиновна, доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник и профессор, Институт образования НИУ ВШЭ
Pichugina_V@mail.ru

Archer VS Hoplite: Heracles' Educational Path in Texts and Images

The article presents the results of an interdisciplinary study of the images of Heracles as an archer, present in the ancient texts and on ceramics of the 7th–4th c. BC. These images give an idea of the change in the understanding of military virtue through the opposition of archers and hoplites. From the corpus of sources, only those have been selected that allow us to present the features of the educational path of the hero, and texts and images of Heracles performing feats are excluded. Traditionally, the image of Heracles is drawn as an image of a warrior fighting with different types of weapons, but preferring a bow. The kaleidoscope of images of Heracles starts from images of a child who was not afraid to attack the gods with a bow, to an adult hero who often behaved like a child and committed many crimes using a bow. The latter include the murders of two mentors - Eurytus and Chiron. The exaltation or condemnation of a hero for choosing a bow was the result of a number of factors: the development of ancient Greek warfare, the rethinking of military prowess by Homer and other ancient authors, and acute experiences of military conflicts (for example, the Battle of Plataea). Tradition for centuries associated Heracles with a bow, which was either seen as a symbol of an arete, or as a coward's tool, outlining more and more new contours of the hero's paideia.

Key words: Heracles, archer, hoplite, Eurytus, Chiron, virtue of a warrior.

Victoria K. Pichugina, Doctor of Science (Education), Leading Researcher and Professor of the Institute of Education of HSE University; *Pichugina_V@mail.ru*